
САФФРОН А. КЕНТ
18+
МОЙ МИЛЫЙ
ЭРРОУ

Сэффрон А. Кент
Мой милый Эрроу

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74802461
Мой милый Эрроу: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-247766-9

Аннотация

Хит BookTok, впервые на русском! Новый роман Сэффрон А. Кент – автора бестселлеров New York Times, чьи книги покорили миллионы читателей благодаря эмоциональным, провокационным и незабываемым историям любви. Идеальный выбор для поклонников напряженных dark romance и forbidden romance в духе «Бумажной принцессы», «Виноваты звезды» (по эмоциональному накалу отношений) и книг Пенелопы Дуглас.

После попытки побега восемнадцатилетняя Салем оказывается в закрытой исправительной школе для трудных подростков. Для окружающих она – трудный ребенок. Но настоящая причина ее поступков совсем в другом.

Вот уже восемь лет Салем хранит тайну, способную разрушить сразу несколько жизней: она безнадежно влюблена в Эрроу Карлайла – сына своих опекунов и бывшего парня собственной сестры.

Когда Эрроу неожиданно возвращается в родной город и становится новым тренером школы, чувства, которые Салем так

долго пыталась скрыть, вспыхивают с новой силой. Но прошлое, семейные секреты и запретная связь делают эту историю любви опасной для них обоих.

Эмоциональный современный любовный роман о первой любви, запретном притяжении, семейных тайнах и чувствах, которым невозможно сопротивляться.

Содержание

Arrow X Salem	6
Примечание автора	9
Глава 1	10
Глава 2	31
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сэффрон А. Кент
Мой милый Эрроу

© Руденкова О., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

* * *

Посвящается всем девушкам, что тайно любили и писали своим избранникам письма под покровом ночи. И, конечно, не такой уж тайной любви всей

моей жизни – моему мужу.

Arrow X Salem

Terrible Thing – *AG*
Be The One – *Luna Shadows*
Want – *Kelsey Waters*
High and Dry – *Phillip LaRue*
If You Care – *Evan Barlow*
Waves – *Melis*
I Warned Myself – *Charlie Puth*
A Little Wicked – *Valerie Broussard*
Breathless – *Stone Forte*
Need You Tonight – *Welshly Arms*
The Way I Do – *Bishop Briggs*
Dark Side – *Bishop Briggs*
Dead End Love – *XYLØ*
ocean eyes – *Billie Eilish*
Sweet but Psycho – *Ava Max*
So Am I – *Ava Max*
Sirens – *Nylo*
A Little Death – *The Neighbourhood*
Angels – *Evalyn*
Won't – *Tanerélle*
Stay – *Rihanna, Mikky Ekko*
bad guy – *Billie Eilish*
everything I wanted – *Billie Eilish*

Vessel – *ROYAL*
It's Not Enough – *Heaven*
Young And On Fire – *BEGINNERS, Night Panda*
Without You – *Ursine Vulpine, Annaca*
Distrust – *Ailbhe Reddy*
Playing with Fire – *Nikki's Wives*
Dusk Till Dawn – *ZAYN, Sia*

Примечание автора

Сезон MLS (Главной футбольной лиги – ГФЛ) обычно завершается в октябре, однако ради этой истории хронологию событий пришлось изменить.

Безответная любовь – когда тот, кого ты любишь, не отвечает тебе взаимностью.

Обреченная любовь – разновидность безответной; когда сердце твоего избранника принадлежит другой.

Глава 1
Салем

Некоторым девушкам от рождения дано все: идеальные волосы, глаза, кожа, блестящие оценки и высокие амбиции. Они популярны – ими восхищаются, их обожают, боготворят и любят. Я не из их числа.

Вот первое, что нужно обо мне знать: я не идеальна. У меня куча недостатков, и мне решительно невдомек, почему сумма углов треугольника должна равняться ста восьмидесяти градусам, будто без этого мир рухнет, или отчего, говоря о сердце, его сводят к мышечному органу с четырьмя камерами, чья единственная задача – качать кровь. Я далека от популярности, а еще наделена тем, что сама называю ведьминскими глазами: золотистые, с приподнятыми уголками, они придают взгляду нечто кошачье, колдовское. Весьма поэтично, ведь и имя мне досталось под стать[1].

Салем.

Салем Сэлинджер.

Второе, что нужно обо мне знать: вдобавок к ведьминскому имени и глазам я обладаю ведьминским сердцем, а это

---

[1] Салем – город в штате Массачусетс, печально известный судебными процессами над «ведьмами» в 1692 году. Имя героини напрямую отсылает к этому мрачному историческому эпизоду и подчеркивает ее «ведьминскую» природу.

значит – оно хранит тайны. Сердце распухло от них, секретов в нем не меньше, чем моих недостатков, и именно поэтому я совершила то, что совершила. Маленькое, незначительное преступление, из-за которого очутилась здесь – в Школе Святой Марии для трудных подростков, исправительном заведении для девочек.

Правда, теперь его так не называют. Сейчас не пятидесятые и не шестидесятые, и подобные места зовутся терапевтическими школами, потому что здесь верят в терапию, исцеление и перевоспитание. Верят, что нас можно научить быть полезными членами общества. Кого «нас»? Плохих и безнадежных девчонок – тех, тех, кто нарушает правила и обожает бунтовать. Мы терпеть не можем учиться, оттого постоянно влипаем в неприятности с одноклассницами и учителями. Случается, нас отчисляют из нескольких школ подряд, пока родители или опекуны не оказываются вынуждены пойти на крайние меры. Некоторые из нас еще и закон преступают, что, в общем-то, сделала и я – в том смысле, что в деле была замешана пара полицейских. Наручники на меня не надели, но пришлось прокатиться в их патрульной машине до участка. Обвинений, однако, не предъявили – вместо этого отправили в «Святую Марию».

Я здесь без малого неделю, а уже отстаю по учебе. Господи, эти задания и домашка! С этим тут строго, так что мне определенно не стоит засыпать на уроках, если я хочу наверстать упущенное.

Но сейчас пятница, вторая половина дня, идет тригонометрия, и вряд ли я волшебным образом постигну все тайны треугольников и тангенсов, даже если вдруг сосредоточусь в последние пятнадцать минут. Честно говоря, по-моему, никто не слушает, хотя все сидят тихо и смотрят на доску. Я сижу в глубине бетонного класса, выкрашенного бежевой краской, где кроме меня набилось еще человек пятнадцать. Все мы горбимся над жесткими деревянными партами, уткнув подбородки в ладони. У всех тугие косы – они спадают на спину или перекинуты через плечо, перехваченные на конце горчичной лентой. На всех накрахмаленные белые блузки и горчично-желтые юбки до колен, и лишь на мне вдобавок черный свитер крупной вязки, потому что я дитя солнца, а в стенах «Святой Марии» царит вечная зима. К форме полагаются белые гольфы и начищенные черные туфельки «Мэри Джейн»[2]. Наши тетради раскрыты, а сами мы прикованы к стульям – таким же твердым и деревянным, как парты. Время от времени ерзаем, пытаясь устроиться поудобнее, – полагаю, дерево впивается в мягкое место. По крайней мере, в мое точно. Казалось бы, в таких условиях уснуть или замечтаться сложно, но я умудряюсь делать и то и другое, пока не слышу тихий звук.

– Пс-с-ст…

Он доносится справа. Медленно поворачиваюсь и вижу,

[2] Классическая модель женских туфель с закругленным носком и ремешком на подъеме, популярная у школьниц.

как девчонка из соседнего ряда пытается привлечь мое внимание. Эту девушку я уже встречала – на территории, в столовой и в общежитии, где живут все ученицы, – но никогда с ней не разговаривала. Здесь со мной вообще никто не общается.

Поначалу я отчаянно добивалась от остальных хоть слова, улыбки или просто ответного взмаха руки, но безуспешно. Даже моя соседка по комнате, Эланор, не здоровается. Поэтому я понятия не имею, чего от меня хочет эта блондинка. Как только наши взгляды встречаются, она указывает подбородком куда-то в сторону. Прикусив губу, смотрю туда и замечаю на краю своей парты сложенный вчетверо листок бумаги. На секунду замираю, не в силах понять, откуда он там взялся, и в замешательстве снова перевожу взгляд на девушку. Та широко распахивает глаза и опять кивает на записку.

Какого…

Ох.

О!

Наконец-то до меня доходит: это записка. Она передала ее мне и хочет, чтобы я открыла. Поняла.

Тянусь к листку, но рука застывает на полпути. Учительница, миссис Миллер, увлеченно выводит на доске какое-то замысловатое уравнение, так что с этой стороны я в безопасности. Но с какой стати эта девушка мне пишет? Неужели не знает, что я сейчас самая ненавистная ученица в «Святой Марии»?

Я подопечная директора.

Да, директриса Школы Святой Марии для трудных подростков Лия Карлайл – мой опекун вот уже восемь лет, с тех пор как мне исполнилось десять. И почему-то из-за этого я здесь враг номер один.

За ту неделю, что я здесь, на меня злобно косились, пытались подставить подножку в столовой, «случайно» толкали в коридорах общежития и запирали в туалете. Из этого я делаю вывод, что ученицы считают меня шпионкой: заговори с такой, раскрой свои секреты – и она тут же пойдет стучать Лие. А учителя думают, что раз я ее подопечная, мне будут делать поблажки.

Так что колебаться – вполне естественно.

Но тут я слышу шепот соседки:

– Открой.

Снова перевожу на нее взгляд, и она беззвучно повторяет это слово, прежде чем одарить меня широкой ослепительной улыбкой.

Именно улыбка все и решает.

Кто-то мне улыбнулся. Девушка в «Святой Марии» – моей новой исправительно-терапевтической школе – улыбается мне, и мне даже не пришлось ради этого стараться. Так что к черту все.

Хватаю записку, опускаю ее на колени и разворачиваю.

Скучаешь? Понимаю. Миллер – ходячее снотворное.
Но не дай ей поймать тебя спящей. Она обожает лишать

учениц привилегий.

Ах эти пресловутые привилегии. Вся здешняя система держится на крохах – поощрениях, которые зарабатываешь, следуя правилам. Суть вот в чем: когда нас отправляют в «Святую Марию», у нас отбирают все, что мы принимали как должное в своей прежней, порочной и бунтарской жизни. Во-первых, никакой личной техники – ни мобильных, ни ноутбуков, ни планшетов. Все, чем мы пользуемся, выдано школой и строго контролируется. Хочешь в интернет – топаешь в компьютерный класс и сидишь там ровно отведенное время. Позвонить кому-то – только со школьного телефона, и опять же в определенные часы. Во-вторых, чтобы выйти за пределы кампуса, нужна записка от учителя, причем покидать территорию разрешено лишь на ограниченный срок. Если ты паинька – с оценками порядок, домашку делаешь, в мероприятиях участвуешь, – то получаешь привилегии: можешь дольше сидеть за компьютером или уходить дважды в неделю и на более долгий срок. А кто за всем этим следит? Назначенный тебе куратор, с которым ты встречаешься каждую неделю.

Но для меня все это пока не имеет смысла. Я здесь новенькая, а значит, у меня четырехнедельный запрет на любые привилегии. Выходить нельзя ни при каких обстоятельствах, компьютер – час в день. Исходящие звонки запрещены, а принимать можно только по субботам. Если по истечении этого срока мой куратор – по воле случая миссис Мил-

лер – сочтет, что я достойна вознаграждения за примерное поведение и усердие, возможно, мне позволят выйти за ворота или посидеть за компьютером подольше.

Поэтому пишу короткий ответ:

> Спасибо за предупреждение. Но у меня сейчас «карантин» для новеньких, так что привилегий все равно никаких.

Протягиваю листок соседке, и та выхватывает его словно спасательный круг. Похоже, ей так же скучно. Быстро развернув записку, она тут же принимается строчить ответ на вырванном из тетради клочке, который через пару минут возвращает мне:

> Ой, точно! Прости! Совсем забыла, что ты новенькая. Но Миллер известна тем, что лишает привилегий авансом. Та еще сучка. Пардон за французский. Кстати, я Каллиопа, но все зовут меня Кэлли. Мне жаль, что некоторые девчонки так тебя достают. Но я все же должна спросить: директор Карлайл правда твой опекун? И ты точно не шпионка?

Ее ответ вызывает у меня улыбку. В нем нет злобы, особенно если учесть, с каким живым интересом она на меня смотрит.

> Поняла. На уроках Миллер не спать. Она, кстати, еще и моя куратор, и я заранее в ужасе от нашей встречи на следующей неделе. Да, директор Карлайл – моя опекун. Наши мамы дружили с детства. Моя

умерла, когда мне было десять, и нас со старшей сестрой отправили жить к ней. И нет, я не шпионка. Я такая же, как все вы. А еще ты первая, кто мне здесь улыбнулся. Так что еще раз спасибо.

Передаю листок обратно, и, как прежде, Кэлли набрасывается на записку, жадно проглатывая глазами. Дочитав, тут же строчит ответ:

Не за что! Я бы поздоровалась раньше, но пришлось быть осторожной – совсем не хочу попасть в немилость к директору Карлайл.

Да, я ее не виню. Лия со всеми своими правилами, наказаниями, лекциями и амбициями может быть довольно пугающей. В конце концов, чего еще ждать от директора исправительной школы? Я и сама ее до смерти боюсь, хотя прожила с ней восемь лет. Но, полагаю, она внушает страх только таким, как мы, – вечным нарушительницам и плохим девчонкам. Царапаю ответ, впервые за почти семь дней чувствуя легкость.

Все в порядке. Директор Карлайл и меня пугает.

Мгновение спустя прилетает ответ:

Правда?! Она жуткая. Никогда не улыбается. Кстати, если сядешь с нами в столовой, мы проследим, чтобы тебя никто не трогал.

Собираюсь спросить, кто такие «мы», когда, к счастью, звенит звонок, возвещая конец учебного дня. Все ныряют за

рюкзаками, будто спасают свои жизни, – и это вполне может быть правдой, потому что, боже, этот урок меня просто убивал.

Поворачиваюсь к Кэлли – первой, кто заговорила со мной в «Святой Марии».

– Спасибо, что прикрыла.

Она широко улыбается.

– Без проблем. Я сама через это прошла. Миллер чертовски скучная.

– Я слышала, кто-то тут поливает грязью Миллер?

Это говорит девушка с черными волосами и в очках. У нее хрипловатый голос и озорное лицо, и она, игриво вскинув брови, смотрит на нас.

Кэлли закатывает глаза.

– По на дух не переносит Миллер.

– Еще бы, – По застегивает рюкзак и подлетает к нам. – Эта дамочка – зло во плоти. И мой куратор. Так что мне «крупно» повезло. – Она с любопытством смотрит на меня. – Я По, кстати, как Кэлли и сказала. По Остен Блайтон. Моя мама фанатела от Остен. И от По. А та, – По указывает на третью девушку, – Бронуин. Бронуин Литтлтон. Разве не величайшее имя на свете?

У девчонки, на которую она показывает, самые длинные волосы, какие я когда-либо видела, – настоящая Рапунцель. Светло-каштановая коса спускается ниже поясницы, но когда та смотрит на По и снисходительно-терпеливо качает го-

ловой, я тут же забываю о длине волос и замираю, пораженная глазами.

Они серебряные, неземные.

Бронуин закидывает рюкзак на плечо и переводит взгляд на меня:

– Но все зовут меня Уин. Потому что я ненавижу имя Бронуин, о чем По прекрасно знает. – Ее взгляд скользит к подруге. – Не так ли?

По в ответ показывает ей язык.

– Все в порядке, – говорю я, усмехнувшись их перепалке. – Я свое имя тоже терпеть не могу. Салем. Звучит как-то по-ведьмински.

Уин мягко мне улыбается.

– А мне нравится.

Вторая улыбка подряд. Невероятно. Похоже, это лучший день в моей жизни.

– Можно вопрос? – встревает По и, не дожидаясь ответа, продолжает: – Зачем директору Карлайл отправлять собственную подопечную в «Святую Марию»? Она же запросто могла наказать тебя дома, верно?

Кажется, я поспешила с выводами. Вся недавняя легкость улетучивается, пока По, Кэлли и Уин смотрят на меня с нескрываемым любопытством. Вопрос вполне резонный, и я не виню их за то, что он возник, – скорее удивлена, что его не задали раньше. Впрочем, эти трое – единственные, кто вообще заговорил со мной в «Святой Марии». Просто мне

немного не по себе от мысли о собственном проступке. Ладно, очень не по себе – я не каждый день вытворяла подобное, но у меня не было выбора. Просто не было.

– Потому что я стащила у Лии… то есть у директора Карлайл… немного денег и вроде как сбежала, – отвечаю я. – По крайней мере попыталась. Но меня поймали.

Копы. Я была уже на автовокзале, готовая сесть в автобус и навсегда убраться из этого города, когда они настигли меня и вернули обратно. До сих пор не понимаю, как все произошло. Я выбиралась из дома с предельной осторожностью – не в первый раз выскальзывала посреди ночи, я в этом деле эксперт, черт возьми. Но каким-то образом Лия проснулась, а когда обнаружила, что я исчезла вместе со своим солнечно-желтым велосипедом и ста шестьюдесятью семью долларами из ее кошелька, позвонила в полицию. С нее было довольно моих выходок, и, не желая, чтобы я и дальше портила себе жизнь, она отправила меня сюда. Становиться хорошей.

«Я оказала медвежью услугу и тебе, и твоей матери. Мне следовало быть с тобой строже и отправить сюда раньше. Сделай я это, ничего бы не случилось. Так что ты едешь в „Святую Марию“», – вот что сказала Лия.

Я могла отказаться. Мне ведь уже восемнадцать, исполнилось несколько недель назад. Могла просто уйти, но денег не было. Все, что имелось, потратила на билет, а остальное Лия конфисковала. Так я здесь и оказалась.

– Но я собиралась все вернуть, – продолжаю я. – Хотела

уехать из города, найти работу, а как только скопила бы достаточно, отдала бы ей деньги.

И это чистая правда. У меня даже была подработка официанткой в местном ресторане. Но я только что спустила все сбережения, а наличные требовались позарез. И мне отчаянно нужно было сбежать.

– А почему ты сбежала? – спрашивает По, широко распахнув глаза.

Черт. Не стоило вообще об этом упоминать. Сердце разбухает и гулко колотится в груди – мое ведьминское сердце с тысячей тайн.

– Э-э, я… была… – мямлю я, пытаясь на ходу придумать приемлемую ложь.

Может, сказать им то же, что и Лие? Что я возненавидела этот город, свою старую школу и все остальное, поэтому просто свалила. Она поверила. Держу пари, эти тоже поверят.

Но Уин дает мне лазейку:

– Все в порядке. Можешь не объяснять.

– Да, у всех нас есть свои секреты, – улыбается Кэлли.

– Точно, – кивает По, вскидывая руки. – Прости, если я слишком уж насела на тебя. Это одна из моих слабостей: чересчур много болтаю и вечно задаю кучу вопросов.

Напряжение тут же спадает, и я наконец могу дышать свободно. Слава богу. Я только что с ними познакомилась – это первые люди, которые отнеслись ко мне по-дружески, заговорили со мной, и я не хочу, чтобы и они от меня отверну-

лись. А они отвернутся, если я расскажу, почему сбежала. Если открою им свою тайну.

– Ладно, – щебечет Кэлли. – Пошли на ужин. И ты определенно можешь сесть с нами, если хочешь.

Внезапно По начинает суетиться, охать и ахать, взглянув на часы над доской.

– О боже, нам пора! Быстро! Забудьте пока про ужин, мне нужно вам кое-что показать.

– Что показать? – спрашивает Кэлли.

– Алло? Что же еще? Конфетку для глаз, – По снова играет бровями.

– О господи, да! Мне просто необходимо было что-то приятное в первую неделю в этой дыре, – ухмыляется Кэлли.

– Знаю. Кажется, там будет пресс-конференция, которую мы должны увидеть. Мне одна девчонка с младшего курса наводку дала. Надо идти.

Я в замешательстве.

– Какую еще конфетку?

При моем вопросе глаза По снова распахиваются. Она ахает и вцепляется в мою руку.

– О боже, это просто идеально! – Затем она поворачивается к Кэлли и Уин. – Разве не идеально? Она его знает!

Понятия не имею, о чем они говорят, но Кэлли, кажется, догадывается и резко впивается в меня взглядом.

– Да, знает, – выдыхает она, обращаясь к По, а потом снова ко мне: – Ты знаешь!

– Что я знаю? – спрашиваю я, теперь сбитая с толку еще больше.

Уин снова качает головой с тем снисходительным видом, который я уже наблюдала.

– Оставьте ее в покое, девчонки. Она не понимает, о чем вы.

Тогда По объясняет мне:

– Ты его знаешь. Красавчика сына директрисы. Нашу конфетку для глаз.

Так. Все еще не понимаю, о чем речь. Красавчик сын директрисы. О ком, черт возьми… *Красавчик сын директрисы.* Он. О боже. Парень с волосами цвета солнца и глазами летней лазури. Теперь он красавчик сын директрисы, верно? Да. Потому что я по своей глупости оказалась в «Святой Марии», а Лия Карлайл, помимо статуса моего опекуна, теперь стала еще и моим директором.

– Ты жила с ним, – говорит По. – Ты жила со звездой футбола.

– Да. С Белокурой Стрелой, – добавляет Кэлли.

Белокурая Стрела. Это его футбольное прозвище. Так его называют фанаты, критики, спортивные журналисты – кто угодно. Оно прилипло к нему в прошлом сезоне, когда он дебютировал, пробив штрафной с центра поля: мяч тогда пролетел мимо всех игроков и вонзился точно в центр сетки.

Черт возьми, они говорят об Эрроу. О моем Эрроу.

Но прежде чем я успеваю что-либо вымолвить, По и Кэл-

ли уже тащат меня из класса. Уин идет следом, а они наперебой обсуждают, как я смогу рассказать им все, что только можно знать об Эрроу Карлайле, знаменитом спортсмене, ведь я жила с ним до того, как он стал профессионалом.

Я их почти не слушаю. То есть слушаю урывками, но по большей части пребываю… в шоке. Довольно глупо, потому что я должна была об этом подумать, догадаться, что его имя будет всплывать в разговорах или долетать до меня обрывками фраз. Так часто бывало раньше, в моей старой, обычной школе. Он довольно известен в этих краях. Белокурая Стрела, профессиональный футболист – конечно, он знаменит. И разумеется, его знают и здесь, в исправительно-терапевтической школе для девочек, ведь его мать – директор. Так что да, мне следовало этого ожидать. Но почему-то я не ожидала.

Мы в туалете на третьем этаже. По затащила нас сюда, чтобы кое-что показать – пресс-конференцию, как она выразилась. Это место вечно не работает, поэтому сюда никто не ходит, по крайней мере никто из тех, кто не замышляет ничего дурного, а мы под это описание подходим идеально. У По в руках мобильный телефон, хотя всем известно, что в «Святой Марии» это строжайше запрещено. Попадись мы – и, вероятно, лишимся всех привилегий и бог знает чего еще. Но По так уверенно стучит по экрану, будто делает это в тысячный раз, Кэлли и Уин, кажется, все равно, а я в таком шоке, что мне тоже плевать.

Особенно когда видео наконец загружается и я вижу его.

Первое, что бросается в глаза, – его русые, выгоревшие на солнце волосы. Они сияют под светом, кажется, тысячи софитов, не говоря уже о вспышках бесчисленных камер, нацеленных на него. Он сидит за длинным столом на подиуме с кучей других людей, которых я видела много раз. Лично я с ними, конечно, не знакома, но они всегда вьются вокруг него на подобных мероприятиях. Это пресс-конференция ГФЛ[3]. За спиной Эрроу на гигантском экране развевается блестящий желто-синий логотип его команды, «Лос-Анджелес Гэлакси»[4], с черно-белым футбольным мячом, а рядом за столом сидит тренер с копной седых волос. На секунду меня отвлекает бегущая строка внизу экрана, пестрящая заголовками.

[3] Главная футбольная лига (MLS – Major League Soccer) – главная профессиональная футбольная лига в США и Канаде.

[4] Реально существующий американский футбольный клуб из Лос-Анджелеса, выступающий в MLS.

«ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА „ЛОС-АНДЖЕЛЕС ГЭЛАКСИ“ ТРАВМИРОВАН ВО ВРЕМЯ ТРЕНИРОВКИ»

«„ЛОС-АНДЖЕЛЕС ГЭЛАКСИ“ ЗАМЕНИТ СВОЕГО ЗВЕЗДНОГО ПОЛУЗАЩИТНИКА НОВИЧКОМ»

«БЕЛОКУРАЯ СТРЕЛА, КОТОРОГО КРИТИКИ И ФАНАТЫ ПРОВОЗГЛАСИЛИ НОВЫМ ДЭВИДОМ БЕКХЭМОМ, ДОСРОЧНО ПОКИДАЕТ СЕЗОН…»

Заголовков все больше, но суть одна, изложенная разными словами: он травмирован. И не сможет играть до конца сезона.

Не понимаю… Это не укладывается в голове. Еще неделю назад с ним все было в порядке.

– Так что это значит для команды и оставшейся части сезона?

Я все еще пытаюсь осмыслить заголовки, когда кто-то за

кадром задает этот вопрос. Из всех людей, сидящих за длинным столом с черными микрофонами, обращаются именно к нему. Я знаю это, потому что он слышит. Слышит и едва заметно двигает челюстью – той, что я всегда сравнивала с острым, точеным лезвием. Движение почти неуловимо, и не думаю, что кто-то его замечает, особенно в суматохе подобных событий, но я – да. Я замечаю, потому что настроена на него. И потому что это… нетипичная для него реакция.

Эрроу никогда не играет желваками. Его невозможно вывести из себя до такой степени. Он терпелив, решителен и хладнокровен – я слышала это о нем много раз в интервью, на пресс-конференциях. Его спокойствие легендарно.

– Очевидно, это значит, – произносит он, – что я не буду играть за команду до конца сезона.

Вокруг него нарастает гул, и тренер команды, наклонившись вперед, поясняет:

– Он имеет в виду, что это большая неудача и никто не мог такого предвидеть. Но Родригес – отличный фланговый полузащитник, и как бы ни было трудно заменить Карлайла, мы приложим все усилия, чтобы помочь новичку. Так же как поможем самому Карлайлу восстановиться.

И тогда голубые глаза Эрроу вспыхивают. Из летне-голубых они становятся штормовыми, зимними. И снова это настолько нетипично, что я замечаю перемену мгновенно. Не просто замечаю – я принимаю на себя весь удар.

Господи, всего неделю назад, когда я паковала вещи для

отъезда в «Святую Марию», мы с Лией вместе смотрели его матч. Футбольный сезон в разгаре, они играли с «Нью-Йорк Сити». Да, ту игру они проиграли, и, зная Эрроу, это должно было его задеть – он терпеть не может уступать, но он и раньше проигрывал и всегда возвращался в строй с новыми силами. На пресс-конференции после матча он выглядел нормально: немного мрачным, но в целом в порядке. Позже тем же вечером Эрроу позвонил домой поговорить с Лией – он всегда звонит после каждой игры, – а я подслушивала. Я всегда подслушиваю. Лия его немного пожурила за проигрыш, но ничего из ряда вон выходящего. Ни единого намека, что с ним что-то не так. Я тогда еще сокрушалась, что из-за дурацких правил в «Святой Марии» больше не смогу часто смотреть, как он играет, поэтому теперь совершенно не понимаю, что, черт возьми, произошло.

– Можете сказать, сколько, по-вашему, займет восстановление?

Еще один вопрос из-за кадра, адресованный ему, но на этот раз Эрроу даже не обращает на журналистов внимания. Он опустил голову и буквально сверлит кулаки взглядом, и, боже, у меня дурное предчувствие. Очень дурное. Что происходит? Почему он так себя ведет, тогда как прежде всегда был профессионален и вежлив?

Когда тренер понимает, что его игрок не собирается отвечать, – кажется, он и сам поражен подобным поведением, – то берет слово:

– Это типичный разрыв мениска[5]. Я рад, что все случилось на тренировке и мы смогли быстро оказать помощь. Сейчас травма незначительная, но всем известно, что повреждения колена имеют свойство незаметно усугубляться, особенно в контактных видах спорта. Поэтому мы хотим принять все возможные меры предосторожности, чтобы это не переросло в нечто более серьезное.

Я сглатываю, видя, что Эрроу по-прежнему не поднимает головы. Его поза стала еще напряженнее, словно он отвергает слова тренера. Словно отрицает все, что происходит вокруг.

– Вы останетесь в Лос-Анджелесе на время восстановления?

Почему-то мне кажется, что пауза после этого вопроса длится дольше и ощущается тяжелее. А может, это просто мое собственное ожидание ответа и нетерпение снова услышать его насыщенный, глубокий голос. Голос, о котором я грежу. Наклонившись вперед, Эрроу смотрит в одну из камер, и мне чудится, что его взгляд направлен прямо на меня.

– Нет. Мне любезно указали, что нужно на время исчезнуть, сойти с радаров. Чтобы я мог прийти в себя, оправиться от травмы, которую, откровенно говоря, никто не предвидел. И что ж, я согласен. Так что я отправлюсь на Восток… –

[5] Распространенная травма колена у спортсменов, особенно футболистов. Упоминание Дэвида Бекхэма не случайно: он получал схожую травму (разрыв ахиллова сухожилия, что также надолго выбило его из спорта), что создает культурную отсылку к драматизму ситуации.

Он делает паузу, прежде чем закончить отрывисто и резко: – Обратно в родной город, Сент-Мэри.

Что? Нет, нет, нет. Он ведь не сказал «Сент-Мэри»? Не сказал, что возвращается? Нет, он не мог. Не мог этого сказать. Ему нельзя возвращаться. Я не хочу, чтобы он приезжал. Не хочу. Я хочу, чтобы он оставался далеко-далеко. Он был причиной, по которой я сорвалась в ту ночь. Из-за него я украла те деньги и собиралась уехать куда-нибудь, прежде чем меня поймают и запрут в этой клетке. Так что он не может вернуться, ведь именно от него я и бежала.

От моего Эрроу – парня, в которого я влюблена.

Парня моей сестры.

Глава 2

Эрроу. Странное имя, правда? Я всегда так считала – необычное, редкое, будто сросшееся с ним намертво, проступавшее в каждой линии точеного лица, в каждом жесте поджарого, литого тела[6]. Никто другой не сумел бы носить его так, как он: от надменно изогнутых бровей до высоких скул.

Боже, эти скулы – острые, словно вырезанные резцом, и вместе с тем изящные – почти отбрасывают тень на подбородок, такой же резкий, скошенный под углом. Тело же не громоздкое – мускулистое, сухое, отточенное движением, с кожей, чуть тронутой загаром после бесконечных пробежек. В нем все создано для скорости и точности на футбольном поле, будто кто-то наверху решил уделить ему чуть больше времени, взял молоток и резец, чтобы высекать, откалывать лишнее, пока не получился шедевр.

Таким он и был – Эрроу Карлайл, потрясающий, любовь всей моей жизни. Всегда – с того самого дня, когда ему было пятнадцать, а мне десять. Минуло восемь лет, а я помню каждую деталь.

То утро залило расплавленным золотом – солнечный свет врывался в кухню лазерными лучами, окрашивая все в

---

[6] Arrow – «стрела»; имя подчеркивает остроту, точеность черт героя и его стремительность на поле, а также «пронзившую» Салем любовь.

желтый, почти оранжевый. Я сидела, втиснувшись между буфетом и стеной, обняв колени и кутаясь в одеяло, но все равно дрожала – тщетно обошла весь дом в поисках тепла. А потом в кухню ворвался он – запыхавшийся, потный, высокий. Свет дрожал и змеился вокруг него, рисуя крошечные узоры на статной фигуре. Эрроу рванул к раковине, открыл кран и резко, почти яростно, плеснул себе в лицо водой. Несколько капель долетели до меня, и я невольно вздрогнула, ожидая холода, но вместо этого ощутила тепло. От него всегда веяло теплом, будто он сам был солнцем. Моим солнцем.

Умывшись, он наклонился к холодильнику, достал пакет с соком и, сделав несколько жадных глотков, осушил половину, прежде чем заметил меня – сжатую в комок в углу, пытавшуюся сохранить остатки тепла. Эрроу нахмурился, а я улыбнулась, потому что глаза у него были голубые – как лето, как солнечные поляны и сладкая истома, когда лежишь в траве, ловя солнце.

– Только не говори моей маме, – кивнув на пакет, произнес он. – Она злится, когда пьют прямо из упаковки. – Всмотрелся внимательнее и нахмурился сильнее: – Тебе холодно?

Мне хотелось ответить: сказать, что его тайна в безопасности – я ни за что на свете не выдала бы его за нарушение маминого запрета, а потом признаться, что нет, мне совсем не холодно, что он каким-то чудом прогнал озноб выгоревшими на солнце волосами, влажной загорелой кожей и гла-

зами цвета летнего неба. Как же я потом жалела, что промолчала, – момент ушел, и другого шанса уже не выпало. В одно мгновение переменилось все – и моя жизнь, и его.

Вошла Сара, моя сестра, и он, обернувшись, уже не смог отвести от нее взгляд – да так и не отводил с тех пор. За восемь лет нашего знакомства Эрроу лишь однажды посмотрел на меня по-настоящему. Все остальное время его внимание принадлежало моей сестре – любви всей его жизни.

Не могу с уверенностью сказать, что чувство вспыхнуло именно в ту минуту на кухне. Я была до смерти напугана и разбита после маминой смерти. Мы только переехали в новый дом, в новый город, о Карлайлах прежде слышали лишь краем уха – мама и Лия вечно пропадали на работе. И вдруг незнакомый мальчик впервые за много недель подарил мне тепло. Для моего десятилетнего рассудка это, наверное, и означало «влюбиться».

Но теперь, повзрослев и набравшись опыта, я уже не так уверена. Возможно, все случилось позже: в те дни, когда я видела, как он возвращался с пробежки и послушно доставал из шкафа стакан, чтобы налить себе сока; когда замечала, что он убирает за собой после еды, собирает одежду и футбольные бутсы, хотя в доме была горничная; когда он чинил что-то – однажды даже отопление, – хотя, опять же, можно было просто вызвать мастера. Сердце заходилось от того, что уже в пятнадцать лет он был настоящим мужчиной в доме.

Его отец погиб в авиакатастрофе, когда Эрроу было семь.

Вскоре я узнала, что он очень серьезно воспринял и эту трагедию, и ответственность, что легла на его плечи, и желание идти по стопам отца. Мой же собственный отец бросил нас с матерью сразу после моего рождения, не справившись с обязанностями, так что все это было мне в новинку. Я никогда прежде не встречала таких, как Эрроу Карлайл, – серьезных, целеустремленных, сосредоточенных не только дома, но и в школе. Помимо того, что он был круглым отличником, он стал главной звездой школьной футбольной команды.

Впрочем, это совсем не удивительно: во-первых, его отец сам был профессиональным футболистом, а во-вторых, Эрроу часами тренировался после занятий, вечерами смотрел записи матчей в комнате, и иногда я заставала его во дворе – он набивал мяч, отрабатывал приемы и разминался перед важной игрой. Футбол был и остается его жизнью. Он рожден для него.

Так что я не знаю, когда именно я влюбилась. Знаю лишь, что пока я влюблялась в него, он влюблялся в другую – в мою сестру Сару.

И они идеально подходят друг другу. Просто идеально. Ровесники, оба привлекательные и популярные, с высокими амбициями и целями. Настолько безупречная пара, такие преданные, что, когда Лия стала возражать против отношений сына с ее же подопечной, они сделали все, чтобы переубедить ее. Лия вводила правило за правилом, строгие графики, ультиматумы по поводу оценок и совместных посиде-

лок с открытыми дверями спален, но они с блеском выдержали каждое испытание. Ничего удивительного – оба отлично умеют сдавать любые тесты.

Они даже поступили в один колледж. Получив спортивную стипендию в Калифорнии, Эрроу уехал, а Сара приложила все силы, чтобы оказаться там же. Пара сняла квартиру за пределами кампуса и поселилась вместе. Он окончил учебу на полгода раньше – гений, что тут скажешь, – и в январе прошлого года его взяли в профессиональную лигу, в «Лос-Анджелес Гэлакси». Они с Сарой продолжили отношения на расстоянии, и сестра, получив диплом по связям с общественностью, через несколько месяцев последовала за ним в Лос-Анджелес. Теперь она работает в пиар-фирме, представляющей команду Эрроу.

Видите? Идеальная пара. Идеальная, идеальная, идеальная – они преодолели все преграды, чтобы оказаться здесь и сейчас в дорогой красивой квартире в Лос-Анджелесе. Он играет в любимую игру, у нее блестящее будущее в пиаре. Эти двое просто созданы друг для друга.

Так какое же место во всем этом отведено мне? Какая роль, кроме злой ведьмы, жаждущей парня старшей сестры? Похоже, никакой, кроме роли злодейки в их любовной сказке. Девчонка, нарушающая правила. Предательница. Та, что чувствует тепло при виде сестриного парня, дрожит, когда он ухмыляется, и замирает от безудержной радости, когда видит по телевизору, как он забивает гол, – и хочет подле-

теть, обнять, сказать, какой он замечательный. Какой чертовски потрясающий.

Одни девушки влюбляются – и парень ловит их, стоя внизу с распростертыми объятиями. А есть другие – как я. Мы влюбляемся в тех, кто уже занят. Наша любовь – падение в пропасть, обреченное с самого начала. Когда мы летим вниз, подхватить нас некому – и уж точно не тому, ради кого мы шагнули за край. Мы – девчонки с тайнами и ведьминскими сердцами; слушаем грустные песни, медленно танцуем под них со слезами на щеках, даже когда губы трогает улыбка; плачем по ночам в подушку и катаемся на солнечно-желтых велосипедах по пустынным, унылым, заброшенным местам, куда никто не ходит. Мы – те, кто сбегает посреди ночи.

Что я и сделала – подслушала разговор Лии с Эрроу. Слышала только ее реплики, но и этого хватило, чтобы понять: он собрался делать предложение, уже и кольцо купил. Тогда я и решила бежать. Потому что они женятся.

Женятся.

Я всегда знала, что так будет, но от разговора о кольце все внутри перевернулось. Он сделает предложение моей сестре. Она, конечно, скажет «да», и будет свадьба. Дети, семья.

Годами я, словно вуайеристка, следила за каждым мгновением их любви: как они ходят на свидания, вместе едут на выпускной, сидят во дворе. Слышала их шепот и разговоры в коридоре, прямо у моей спальни. Видела их отъезд в Калифорнию и приезды на каникулы. Наблюдала за всем этим,

как худшая сестра на свете. И так же тайно смотрела на него – жаждала, любила.

Я слишком долго была ведьмой. Пора было поступить правильно и убрать свое ядовитое присутствие из их жизни до свадьбы. Немедленно. Потому я и украла те деньги и попыталась сбежать.

Но меня поймали, и теперь я застряла здесь – до новой возможности. А когда она появится, я ею воспользуюсь. Снова украду, снова сбегу. Я не воровка, но есть преступления похуже кражи денег. Ни за что не останусь с ними рядом и уж точно не явлюсь на свадьбу.

Однако дело не только в том, что на их торжестве должны быть люди с чистыми сердцами. Во мне бурлит иное желание – сильное, опасное. Оно вспыхнуло в тот миг, когда я услышала слово «кольцо» и осознала: он станет ее – безвозвратно, навеки. Это желание – сжечь дотла все запреты, которые я выстраивала восемь лет, и сказать: *«Выбери меня»*.

Выбери меня, Эрроу.

Именно об этом я думала в ночь побега. О том, как отчаянно хочу произнести эти слова. Как неистово желаю его себе. Парня моей сестры – ее без пяти минут жениха.

И вот он возвращается, травмированный, а я способна думать лишь о том, чтобы увидеть его воочию и убедиться, что с ним все в порядке. Но если это удастся, если я снова с ним встречусь, кто поручится, что не поддамся порыву? Кто сказал, что я не попытаюсь разрушить их отношения? Я уже

влюблена в парня сестры. Уже испорчена и презренна. Уже безнадежно пропала. Кто помешает мне пойти дальше и попытаться отнять его?

Поэтому нужно держаться подальше. Контролировать себя, как все последние восемь лет. Ради этого сегодня я нарушу одно из строжайших правил «Святой Марии», потому что альтернатива – сидеть в комнате и придумывать сценарии, как увести сестриного парня. Нарушение, конечно, лишит меня всех привилегий, но даже это не остановит ни меня, ни Кэлли, ни По, ни Уин. Мы сбегаем в бар, чтобы потанцевать.

А это, между прочим, целый ритуал. Ложишься спать в той одежде, в которой пойдешь на вылазку, чтобы потом не шарить по шкафу и не разбудить соседку. Под одеяло подкладываешь подушки, создавая видимость спящего силуэта – если соседка проснется, ничего не заподозрит. В условленное время на цыпочках выскальзываешь в коридор и тихо крадешься мимо круглосуточной надзирательницы, что сидит на посту перед телевизором. Попадешься – скажешь, что в туалет, поэтому наряд не должен быть броским, чтобы ложь выглядела убедительно. В конце коридора сворачиваешь налево, к тяжелой металлической двери с красной табличкой ***«ВЫХОД»*** – там уже ждут подруги. По, которая проделывала это миллион раз (она здесь со второго года обучения[7]),

[7] В американской старшей школе второй год обучения *(sophomore year)* соответствует 10 классу (возраст 15–16 лет), а третий год *(junior year)* – 11 классу

особым образом дергает защелку, открывая замок. Кэлли, тоже ветеран побегов, выталкивает меня в ночную прохладу, а Уин, которая в школе с третьего года обучения, аккуратно подкладывает под дверь камень, чтобы мы без проблем вернулись.

Дальше – бегом через огромные зеленые поля кампуса к особому месту в кирпичной стене. Там есть выбоины и щели, в которые можно упереться ногой и перемахнуть на ту сторону. Десять минут спустя мы уже пробираемся лесом, в самой чаще которого прячется наша исправительная школа, и выходим на шоссе.

Такси По вызвала еще из туалета на третьем этаже. Как она его оплатила? У нее есть секретная кредитка, стащенная перед отправкой в «Святую Марию»: если тратить понемногу, платежи проходят незамеченными – до сих пор работало. А в бар (хоть нам и нет двадцати одного года) нас проведет Кэлли: местный бармен – ее друг и обещал пустить, если мы будем только танцевать, без выпивки.

Мне все равно. Я не хочу ни пить, ни плясать. Сбежала я не ради этого, а потому что сердце у меня ведьминское и его одолевают опасные желания.

Бар называется «Баллада бардов», я о нем слышала: место славится любовными песнями. Вместо обычной танцевальной музыки здесь звучат баллады поэтов – о страданиях и

(16–17 лет). По и Кэлли учатся в «Святой Марии» с 10 класса, а Уин – с 11. Салем, соответственно, попала «в последний вагон» – 12 класс.

несчастной любви, и я давно мечтала сюда попасть. Заведение расположено на границе Сент-Мэри и соседнего Бардстауна[8], и радость от того, что мы направляемся именно туда, была так велика, что по дороге я даже позволила подругам накрасить мне губы.

– Каждая девушка заслуживает немного любви для своих губ, – провозгласила По, нанося помаду темно-кораллового оттенка «Распад юности».

Этот цвет напомнил о солнце. О нем. С этой помадой я словно чувствую его рядом.

Он и правда может быть где-то поблизости: пресс-конференция прошла пару дней назад, а мы в школе для трудных подростков «Святой Марии» отстаем от остального мира на несколько дней. Может, он уже вернулся и сейчас в городе, а может… *Ладно, хватит о нем думать. Прекрати.* Но это, кажется, невозможно.

Потому что стоит войти в бар, окинуть взглядом индустриальное пространство с низко висящими лампочками, грубой кирпичной кладкой и металлическими балками, как взгляд цепляется за бейсболку. В полумраке цвета не разобрать, но мне и не нужен свет – я и так знаю: она серая. Как все в его жизни: кроссовки для тренировок, футбольные бутсы, свитеры, спортивные штаны. Футболки. Да, у него прорва серых футболок, и одна из них, стащенная, сейчас на мне под

[8] Вероятнее всего, это вымышленный город, чье название (Bardstown) отсылает к бардам-поэтам, перекликаясь с концепцией бара.

объемным свитером. Давным-давно, когда он только уехал в Калифорнию, я пробралась в его комнату, порылась и утащила пару оставленных им футболок. Словом, он любит серый. И, с тех пор как стал профессионалом, носит бейсболку, чтобы быть менее заметным и сохранить хоть крупицу личной жизни в краях, где футбол боготворят больше любого другого спорта, а значит, и его самого.

Так что эту бейсболку я знаю. Точно знаю.

В баре не протолкнуться – все забито телами, воздух пропитан спиртным и сизым дымом, ничего толком не разглядеть. Но ведьминское сердце подсказывает: это он. Хотя этого не может быть. Он должен быть дома, с Сарой. Она наверняка тоже вернулась, раз он здесь, – она всегда рядом, они неразлучны. И бары – не его стихия. Все, что мешает тренировкам, под строжайшим запретом, так что пьет он крайне редко и по вечеринкам не зависает.

И все же я должна увидеть и убедиться. Кэлли как раз знакомит нас с барменом Уиллом, но я, невнятно извинившись, отхожу – объясню позже, минут через пять, когда вернусь и пойму, что обозналась.

И вот я стою посреди бара, там, где отлично видно и кепку, и того, кто ее носит. Обладатель серой бейсболки забрался в угол, частично скрытый кирпичной колонной, но слово «скрытый» звучит нелепо: он слишком высок и крупен, чтобы поместиться хоть где-то, тем более в тесном закутке. Плечи будто выламываются из ниши – широкие, но не громозд-

кие, гладкие, рельефные, точно литые, и это заметно даже под слоями одежды. Сердце прыгает при виде этих плеч, однако дело не в них, хотя их ни с чем не спутаешь, и не в бейсболке, скрывающей лицо. Дело в одной-единственной вещи – старой кожаной куртке. Когда-то черной, а теперь выцветшей до серого. Я обожаю ее: она делает его дерзким, опасным, безумно красивым. Он всегда надевал куртку, садясь на мотоцикл.

Да, у него был мотоцикл. При всей его дисциплине и осторожности он гонял на «Дукати», пока жил в Сент-Мэри. А потом уехал в Калифорнию, оставив все, и я будто осиротела. Наверняка Сара настояла – ей никогда не нравились ни байк, ни куртка. Я оплакивала «Дукати» под белой простыней в гараже, оплакивала куртку, исчезнувшую из его шкафа – я проверяла. И увидеть ее теперь – это как удар током. Нет, не удар – взрыв. В животе вспыхивает жар, по венам разливается тепло.

Это он. Мой Эрроу.

Боже, он здесь.

Прижимаю ладонь к животу, выдыхаю, и губы трогает улыбка, но застывает на полпути, потому что я замечаю: он наклонился к кому-то. К девушке, стоящей ко мне спиной. На миг кажется – Сара. Кто же еще? Но нет. Не она. У нее такие же темные волосы, как у меня, только мои – кудрявые, дикие, непокорные, а ее – прямые и блестящие. И Сара не настолько низкая. Эта девушка – моего роста, такого, что ему

приходится чуть наклоняться, совсем как когда-то ко мне. Не Сара – другая.

Незнакомка поднимает обнаженную руку и скользит тонкими пальцами по его квадратной челюсти – тени там, под козырьком, так густы, что я не вижу щетины, но знаю: она царапает ее кончиками пальцев. И он усмехается. Той самой усмешкой, за которой я наблюдала издалека восемь лет. От нее перехватывает дыхание, даже когда она адресована не мне. Его усмешки и улыбки – для Сары, так почему же он дарит их другой? Той, что совершенно точно не моя сестра, не любовь всей его жизни.

Девушка тянется к этой усмешке, пытается коснуться его губ большим пальцем, но Эрроу в последний миг перехватывает ее запястье, и та замирает – палец застывает у самых губ, но незнакомку это не смущает. Она приподнимается на цыпочки, прижимается всем телом и что-то шепчет прямо в губы. Это шокирует, но еще сильнее обескураживает то, что он отвечает – и что бы он ни сказал, девушка тянется к нему еще отчаяннее. Секунда – и она прижимается губами к его губам.

И он позволяет. Позволяет ей.

Еще мгновение – жених моей сестры, человек, в которого я влюблена, целует ее. Случайную девчонку в баре, что не моя сестра.

Глава 3

Уму непостижимо, что это происходит. Он целует другую.

Я стою в этом занюханном баре, а над головой ревут тоскливые песни, и смотрю, как он целует совсем не мою сестру. Я отказываюсь верить и даже мотаю головой, надеясь, что, если продолжать упорно отрицать реальность, наваждение рассеется и я проснусь. Но ничего не исчезает. Наоборот, он впивается в нее все жестче, распаляясь с каждой секундой.

Их жар накрывает даже меня, я ощущаю предательское покалывание на собственных губах.

Я – та, которую никогда не целовали.

Ошарашенная, я все же делаю шаг вперед. Потом еще и еще, пока не подхожу вплотную, вторгаясь в их темный, интимный угол.

В нос ударяет смесь перегара и его собственного запаха – пряностей и старой кожи. Мой любимый аромат.

Мое присутствие – такое бесцеремонное вторжение в их уединение, что незнакомка испуганно отшатывается и вскидывает голову. Как бы ни хотелось разглядеть ее, я не свожу глаз с Эрроу. Смотрю, как он отстраняется от нее – медленно, нехотя. Поднимает голову и с раздраженным вздохом поворачивается на звук, но даже сейчас пальцы его руки все еще сжимают ее затылок.

Я сверлю эту кисть взглядом. Огромная, опасная, невы-

носимо соблазнительная.

Наконец он чуть смещается, вскидывает подбородок, и тень от бейсболки сползает с лица. Я вижу его целиком – вижу яркую лазурь глаз, которые всегда напоминали мне о ленивом лете и велосипедных прогулках. Только сейчас они потемнели, стали почти черными, утратив свою привычную небесную голубизну.

Мы встречаемся взглядами.

– Ты.

Не успеваю я и рта раскрыть, а он уже полностью отстраняется от блондинки, убирает с ее шеи свою огромную, опасную, невыносимую ладонь и цедит с плохо скрываемым раздражением:

– Какого черта ты здесь забыла?

На кону вещи куда важнее, но я все равно выдыхаю с облегчением, едва он делает шаг в сторону. Он отошел от нее. Вот только радоваться нечему, правда? Он целовал девушку, которая не моя сестра.

– Это я-то что здесь забыла? – хмурясь и заикаясь, набрасываюсь я. – А ты что здесь забыл? Кто она? Где моя се…

– Дашь нам минуту?

Эрроу обрубает меня на полуслове, и на долю секунды я думаю, что он обращается ко мне. Но он уже отвернулся и смотрит на нее.

Перевожу взгляд и я. Девица пьяна в стельку. Это первое. Второе: хоть Эрроу и отодвинулся, она по-прежнему льнет

к нему. Меня коробит. Бесит, что она все еще вешается на жениха сестры. Хотя скорее просто на ногах не стоит.

– Может, продолжим целоваться? – хихикает она, начисто игнорируя меня и глядя на Эрроу мутными мечтательными глазами.

От слова «целоваться» я вся сжимаюсь.

Опережая мой возмущенный вопль, он произносит:

– Думаю, на сегодня хватит. Тебе пора.

– Но мне казалось, нам так хорошо вместе, и ты же знаешь…

Она умолкает, ведя ладонью по его груди и цепляя пальцами медальон.

Да, у него есть медальон – серебряная вещица, с которой он не расстается. Отец подарил ему это украшение, когда Эрроу было около шести, и с тех пор оно, как и его выгоревшие на солнце волосы и загорелая кожа, блестит в солнечных лучах. Поблескивает от пота после тренировки или особенно тяжелого матча. Блестел медальон и в тот день, когда я впервые увидела Эрроу на той желто-оранжевой кухне. При виде того, как эта девица играет с ним, я впиваюсь ногтями в ладони.

– Ты пьяна, – он мягко, но непреклонно отстраняется.

– Вовсе нет, – тут же икает она, доказывая обратное.

– Позволю себе не согласиться.

– Я…

– Именно поэтому тебе и показалось, что нам хорошо вме-

сте, – Эрроу чуть наклоняется, будто собираясь поделиться секретом. – Это не так. А потому, как я уже сказал, тебе пора.

Незнакомка хмурится, надув губы.

– Но я…

– Слушай, – тяжело вздыхает он, и резкие складки у губ залегают глубже, – я польщен. Ладно? Всегда лестно, когда на тебя вешаются. Даже в таком откровенно пьяном виде. Но, как я уже сказал тебе до того, как ты набросилась на меня своим ртом, я не трахаю пьяных. Так что проваливай, пока я не сказал тебе того, что тебе вряд ли понравится.

Так, стоп. Помедленнее. Он сказал «трахаю»? Он действительно сказал это слово?

Пока я переваривaю услышанное, блондинка, которая минуту назад едва стояла на ногах, каким-то чудом выпрямляется. Ее затуманенный взгляд вдруг становится осмысленным и злобным.

– И что же ты скажешь, если я не уйду?

– Если ты не уйдешь, мне придется открыть тебе правду.

– И какова же правда?

Эрроу снова вздыхает – с таким видом, словно не хочет, но его вынуждают.

И решается:

– Правда в том, что ты пьяна в хлам и, может быть, поэтому в твоих поцелуях сплошной язык, а губ нет вовсе. Такое чувство, будто я тону в слюне. Но я не думаю, что все дело в этом. Уверен, ты и на трезвую голову целуешься так же, хотя

и видишь, с кем имеешь дело. Мне кажется, ты из тех, кто любит перебарщивать, верно? Слишком много духов. Слишком много стонов. Ты обожаешь выкладываться по полной, и обычно я это ценю – когда кто-то старается, прилагает дополнительные усилия. Но не тогда, когда я давлюсь чужим языком. – Он небрежно пожимает плечами и добавляет: – Так что тебе лучше уйти. Потому что если я скажу все это вслух, твое самолюбие может пострадать.

За его откровенной тирадой повисает тишина – насколько она вообще возможна в переполненном баре. Первой в себя приходит девица.

– Я… Что… – Она мечет дикие, агрессивные взгляды сразу на нас обоих. – Вы двое стоите друг друга. Придурки.

С этими словами она разворачивается и, печатая шаг, уходит, оставляя нас наедине в этом углу, а меня – в странном недоумении: с чего ей вообще пришло в голову, что мы вместе? Потому что я влезла? Потому что я выгляжу как ревнивая подружка? Но я не подружка. И не ревную вовсе. Совершенно, абсолютно не ревную.

Зато я ошеломлена, потрясена и практически онемела. Потому что… черт возьми. Он ведь и правда все это высказал? Снова не могу поверить. Не могу поверить, что он способен на такое. Что вообще хоть кто-то способен на такое. Тем более парень, которого я знаю восемь лет и который всегда был воплощением вежливости. И терпения. И спокойствия, и невозмутимости, и… твою мать. Я не могу…

– Ты и дня не протянешь, чтобы не нарушить правила, верно? – роняет Эрроу, и я резко вскидываю на него глаза.

До этого момента я таращилась в спину уходящей девушки – просто потому, что не знала, куда еще смотреть. Потому что этот парень, этот грубый хам, не может быть моим Эрроу.

Тот Эрроу, которого я знаю, не стал бы небрежно подпирать кирпичную стену с таким видом, будто ничего не случилось. Будто не он только что наговорил ей всех этих гадостей.

– Тебя здесь быть не должно, – произносит он низким рычащим голосом, заметив, что я по-прежнему молчу.

– Почему? – с горечью выпаливаю я. – Потому что я стала свидетелем того, как ты прилюдно унизил девушку?

– Я ее не унижал, – невозмутимо отвечает он и, кажется, даже скрещивает руки на груди. Впрочем, я не уверена: я просто таращусь на его гладкие, безмятежные черты с открытым ртом. Приходится прижать ладони к пылающим щекам, чтобы хоть немного прийти в себя, прежде чем я смогу что-то сказать.

– Ты издеваешься? – взвизгиваю я. – Шутишь, да? Ты вел себя с ней как последний козел.

– Хм. А я-то думал, что был сама любезность, – роняет он с искренним удивлением.

– Ты спятил? Другого объяснения у меня нет. Или это я спятила. Просто не укладывается в голове то, что сейчас про-

изошло. Ты в пух и прах разнес ее уверенность в себе. По-моему, ей теперь вообще до конца жизни ни с кем не целоваться.

– Ну насчет этого я бы не был так уверен.

– Что, прости?

Он указывает подбородком мне за спину:

– За ее самооценку можешь не переживать.

Я оборачиваюсь посмотреть, куда он показывает. В просветах между покачивающимися телами снова мелькает та блондинка. И он прав: за нее можно не волноваться.

– Она что… – я всматриваюсь, чтобы убедиться, – уже целуется с другим парнем?

Отсюда это выглядит именно так. Пьяная незнакомка целует другого блондина, причем точно так же, как до этого Эрроу: прижимается всем телом и запрокидывает голову.

Слышу, как он шевелится за моей спиной.

– А я-то думал, я особенный. – Пауза. – Хотя это наводит на размышления…

Я резко поворачиваюсь к нему лицом.

– На какие?

Эрроу склоняет голову набок.

– Действительно ли она так пьяна, или это я довел ее до крайности.

– Ты не можешь никого довести до крайности. Ты можешь…

– Что я могу?

Вскружить голову.

Именно это я и собиралась сказать – что Эрроу способен очаровать любую, потому что до чертиков хорош в своей кожаной куртке, с этим наклоном головы и сиянием голубых глаз. Словно влечение – это выбор.

Как будто я прямо сейчас, глядя на него, не испытываю совершенно сюрреалистичных ощущений.

И следующие мои слова только усугубляют ситуацию:

– Влечение – это не выбор. Если ты не знал. Нельзя довести, принудить или изменить чьи-то чувства по прихоти. У людей и без того проблем хватает, а тут еще ты со своим невежеством и неосторожными заявлениями и…

Я осекаюсь. Потому что, черт побери, что я несу? Готова поклясться, что вижу, как у его глаз собираются морщинки, но не могу быть уверенной.

– Спасибо, очень познавательно и поучительно, – лениво тянет он.

Я прожигаю его взглядом.

Сама не верю, что смотрю на него так, но сейчас на кону стоят куда более важные вещи.

Гораздо более важные.

Поэтому я опускаю руки по швам, делаю глубокий вдох и пытаюсь унять раздражение.

– Почему, – начинаю я с напускным спокойствием, – я только что застукала тебя в баре с девушкой, которая не моя сестра?

От этих слов его глаза темнеют еще сильнее. Теперь это даже не темно-голубой, а какая-то беспросветная, бездонная синева, переходящая в черноту. Он играет желваками.

– Потому что тебя здесь быть не должно, – отвечает он.

– Что это значит? – спрашиваю я, изо всех сил пытаясь не смотреть на его челюсть.

Не считать, сколько раз он сводит и разводит мышцы, не замечать, каким хищным, красивым и острым стало его лицо теперь, когда он с таким удовольствием демонстрирует свое недовольство.

– Это значит, что заведение, в котором ты по случайности или нарочно оказалась, называется баром.

– И?

– И в этот самый бар, если ты не знала, запрещено входить тем, кто младше двадцати одного года. Таков закон, к сожалению. Так что на твоем месте я бы убрался отсюда.

Я выпрямляюсь.

– Меня не запугать законом. Я никуда не уйду. Пока…

– А еще это значит, – обрубает он, – что тебе вообще следует лежать в кровати, а не шляться за пределами кампуса. Отбой в девять тридцать. Правила помнишь? Так что ты либо нарушаешь их, причем в первую же неделю, либо ходишь во сне. Ради твоего же блага надеюсь, что второе. Это выставит тебя в более выгодном свете, если попадешься.

Я не сразу улавливаю суть его слов. Хотя, казалось бы, куда уж яснее. Но все равно до меня доходит только через

несколько секунд. Может, потому что я сама забыла, что теперь учусь в «Святой Марии». Забыла, что больше не живу в его доме и не вольна идти куда вздумается.

Интересно, знает ли он, за что меня туда сослали? Не настоящую причину, конечно, – ее не знает никто и никогда не узнает. А те, что лежат на поверхности: воровство, побег?

– Я же сказала, меня не пугают ни законы, ни правила, – произношу я, отводя взгляд.

– Очевидно.

Снова вскидываю на него глаза. То, как он это говорит, все подтверждает. То, как он смотрит на меня, с понимающим блеском во взгляде, тоже. Он знает. В курсе того, что я натворила.

Впрочем, чему удивляться? Узнать он мог сотней разных способов: от своей матери, от моей сестры. К тому же меня наказывают при нем не впервые. Мое дурное поведение и плохие отметки были в семье Карлайл притчей во языцех. Лия без счета раз отчитывала меня за отсутствие амбиций, низкую успеваемость и пренебрежение комендантским часом прямо за обеденным столом, перед всеми.

Все прекрасно знают, что я не идеальна. Что я полная противоположность моей сестре и Эрроу, и Лии, и даже моей покойной маме, которая при жизни была профессором колледжа. Так что смущаться тут нечего. Да и речь сейчас не обо мне. А о моей сестре, Саре.

– Где Сара? – спрашиваю я, сглотнув все свои эгоистич-

ные переживания.

Упоминание ее имени меняет все: сам воздух, свет, шум бара. Сара. Будто одно это имя имеет безграничную власть. Над ним. Надо мной. Над всем вокруг.

– Полагаю, она вернулась в Лос-Анджелес, – мягко отвечает он, но это единственное, что в нем сейчас мягко.

Все остальное застыло в жестких, напряженных линиях: плечи, отточенные до совершенства; взгляд, колючий и холодный; скулы, заострившиеся словно лезвия.

Странное дело. Следующий вопрос у меня уже заготовлен. Он вертится на кончике языка, но тут Эрроу поправляет козырек бейсболки, и я замечаю кое-что на его костяшках. Они разбиты и опухли, а содранная кожа свернулась в крошечные завитки.

Заготовленные слова тут же сменяются другими:

– Что у тебя с рукой?

Похоже, вопрос застает его врасплох. Но лишь на мгновение. Уже в следующую секунду лицо Эрроу становится непроницаемым. Он сжимает разбитый кулак и опускает руку.

– Ударил в дверь, – глухо произносит он.

– Что?

– Несколько раз.

– Зачем?

– Потому что был пьян и зол.

– Пьян и зол?

– Ага. Похоже, у меня проблемы с контролем гнева.

Он лжет. Эрроу не пьет. Не злится. И уж точно не страдает от неконтролируемой агрессии.

– Нет у тебя никаких проблем, – отрезаю я. – Ты не пьешь. Даже сейчас ничего не заказал, хотя мы в заведении под названием «бар».

– Если я закажу выпивку, ты отстанешь?

– И с гневом у тебя все в порядке, – продолжаю я, игнорируя его вопрос.

На мое яростное возражение он реагирует неожиданно. Его губы чуть дергаются, и, клянусь, мое ведьмино сердце подпрыгивает в груди от того, что это я заставила их дрогнуть.

– Что ж, тебе стоило быть там, – замечает Эрроу с ноткой веселья, от которого мое сердце колотится еще быстрее.

– Где?

– Когда мой тренер записывал меня на терапию по управлению гневом[9].

– Тренер записал тебя на терапию?

Знаю, я повторяю за ним почти каждое слово, но, честно, я просто не успеваю. Это самое нелепое, что я слышала в своей жизни. Эрроу и управление гневом. Эрроу крушит дверь. Эрроу целует первую встречную в баре. Что, черт возьми, происходит?

---

[9] Распространенная практика в спортивных клубах США, куда отправляют игроков, замеченных в агрессивном или неспортивном поведении.

– Да, – кивает он, все еще забавляясь. – Твоя лестная характеристика могла бы меня спасти.

– Зачем он записал тебя на терапию? – спрашиваю я так, будто это главный вопрос всех времен.

– Потому что я ударил в дверь, – невозмутимо отвечает он. – Ты вообще слушаешь?

Я не успеваю вымолвить ни слова, как он внезапно наклоняется ко мне. И не просто наклоняется, а принюхивается. Я слегка отшатываюсь.

– Что ты делаешь?

Нависая надо мной, он рокочет:

– Принюхиваюсь к тебе.

– Зачем?

– Проверяю, не слишком ли ты пьяна для этой беседы.

Пару секунд я только беззвучно открываю и закрываю рот.

– Я не пьяна. Вообще не пью, разве что пиво иногда.

Ну почти. Случалось, конечно, перебрать пару раз с ребятами из старой школы.

– Вот как?

Я вздергиваю подбородок.

– Да.

– Удивительно, учитывая, как тебе плевать на правила. – Затем, помолчав: – А как насчет чего-нибудь покрепче?

– Ч-что насчет этого?

– Нравится? – Он скользит по мне взглядом. – Уверен, такая девушка, как ты, не прочь иногда расслабиться.

Я судорожно сглатываю, чувствуя тяжесть его взгляда и то, что он по-прежнему возвышается надо мной.

– Нет, ясно? Я ничем таким не балуюсь.

– Тогда какого черта ты сюда приперлась, раз не пьешь?

Чтобы отвлечься от опасных мыслей. О тебе…

– Я пришла потанцевать! – выпаливаю я.

Он медленно обводит взглядом мои растрепанные кудри, накрашенные губы, свитер и штаны-карго, после чего выпрямляется.

– Что ж, не смею задерживать.

Я мотаю головой. Все, хватит.

Хмуро смотрю на него, и вдруг происходит еще одна шокирующая вещь. Он усмехается. Мне.

Спустя восемь лет. Спустя восемь чертовых лет я наконец получила то, о чем мечтала. Его усмешку. И мое идиотское сердце не справляется с этим. Оно разбухает в груди до острой, ноющей боли, и я знаю: это, наверное, ненормальная реакция на обычную ухмылку – люди сочтут меня сумасшедшей. Но они не понимают. Они никогда не были на моем месте. Им неведомо, что чувствуешь, когда парень, которого ты любишь восемь лет, но который любит другую, вдруг усмехается тебе и его глаза от этого сияют.

Ты теряешь дыхание. Теряешь разум. Теряешь всю свою чертову добродетель и почти готова признаться, что хочешь его.

Но каким-то чудом я беру себя в руки. Впиваюсь ногтями

в ладони и напоминаю себе, что он – парень Сары, а я здесь из-за нее. И он врет. Пытается меня отвлечь, да? Играет со мной и наслаждается этим.

Так странно, так прекрасно.

– Ты заговариваешь мне зубы, – обвиняю я.

– Ты сама легко отвлекаешься, я тут ни при чем.

– И врешь, да? – продолжаю я, недоверчиво глядя на него и отчаянно пытаясь совладать с сердцем. – Ты все это выдумал. Ни в какую дверь ты не бил.

– Да? А во что же я тогда бил?

– Понятия не имею. Во что угодно, только не в дверь, – я тычу в него пальцем. – Ты уводишь меня от главного вопроса.

– И что же это за главный вопрос? – шепчет он с издевательской интонацией.

– Где моя сестра? – выкрикиваю я.

Его взгляд ввинчивается в меня. И то ли из-за игры тусклого света, то ли еще почему, но черты его лица словно проступают резче, приковывая к себе все внимание. Внимание к тому, какие они сейчас жесткие, острые, словно застывшие.

– Я же сказал. Вероятнее всего, в Лос-Анджелесе.

– Но это невозможно. У тебя травма и… – Мои глаза округляются, и какая-то мысль заставляет спросить: – У тебя ведь и правда травма?

Опускаю взгляд на его ноги в выцветших синих джинсах и буравлю колени, словно могу увидеть травму сквозь плот-

ную ткань.

– Я знаю, что ты повредил колено, – снова поднимаю глаза и натыкаюсь на все тот же тяжелый, прожигающий насквозь взгляд, от которого у меня перехватывает дыхание. – Поэтому ты и вернулся, так? Выбыл до конца сезона и сказал, что едешь домой. Я смотрела пресс-конференцию.

– Смотрела?

Сглатываю, киваю.

– Да. П-по телевизору.

Я кривлюсь. Это, конечно, ложь. Я смотрела ее на запрещенном сотовом, но ему знать об этом не обязательно. Впрочем, судя по его вернувшейся усмешке, он уже догадался. Мое дыхание сбивается окончательно.

– Значит, тайком улизнуть посреди ночи в бар – не единственное твое прегрешение. Не уверен, что отправлять тебя в исправительную школу было удачной мыслью. Ты можешь оказать дурное влияние на девочек, которые и так уже загремели туда за плохое поведение.

Смущение накрывает меня с головой, и я бормочу:

– Эй, я не настолько плоха.

Эрроу снова окидывает меня взглядом, от которого у меня приоткрываются губы.

– Я начинаю это понимать, – произносит он. – Ты хуже.

Это не комплимент. Я знаю. Но то, как он это говорит, и то, как смотрит на меня глазами какого-то незнакомого, невозможного оттенка лазури, заставляет чувствовать обрат-

ное. Его слова похожи на похвалу. Но я не могу на этом зацикливаться.

– Так что? – спрашиваю я, из последних сил держа себя в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.